

Первый Вселенский Собор 325 года в Никее

В 2025 году Русская Церковь празднует знаменательную дату — 1700-летие со дня проведения императором Константином Великим в городе Никее собрания христианских епископов, вошедшего в историю как Первый Вселенский Собор. Об этом событии, которое наряду с принятием Миланского эдикта в 313 году стало важной вехой в жизни Церкви, об участниках этого исторического собрания и о том, какие решения были приняты Собором, рассказывает настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе, доцент Московской духовной академии протоиерей Валентин АСМУС.

В царствование святого равноапостольного императора Константина Великого (306–337) произошли важнейшие события, определившие последующую более чем тысячелетнюю историю христианского мира. Константин и Ликий, его восточный соправитель, издали «Миланский эдикт» (313), где провозглашалась религиозная свобода. Период гонений закончился. Причем Константин открыто поддерживал христианство и сочувствовал ему. Об этом говорило и такое средство широкой пропаганды, как монеты: первые христианские символы появились на них в 315 году, а последние языческие изображения исчезли с них к 323 году. Не могло быть и речи о насильственном навязывании христианства. В начале IV века при огромной вековой и тысячелетней инерции язычества христиане составляли не больше 5–10 % населения Римской империи, причем на Востоке их было гораздо больше, чем на Западе, где начинал свое правление Константин, лишь в 324 году распространивший свою власть и на Восток. Христианство не было монолитным и однородным. Наряду с католической, то есть православной, Церковью существовали ереси и расколы. Оказывая покровительство, даруя привилегии католической Церкви, император не распространял их на христиан, пребывавших за ее оградой. Позитивная история недоумевает перед явлениями духовного порядка и пытается их редуцировать до уровня материальных, классовых и т. п. интересов. В случае Константина это нелегко. Какая земная польза встать на сторону не более чем десятой части населения против всех традиций государства, культуры, народной жизни? Не мог же человек, пусть и гениально одаренный, предвидеть, что благодаря его обращению обратятся и подвластные ему народы; что Церковь, которую государ-

ство долго и жестоко гнало, станет твердой его опорой и даст ему новый духовный смысл; что христианство будет создавать новую великую культуру и привлечет и творческие умы, разочарованные в умирающем язычестве, и широкие слои народа. Об обращении Константина в веру Христову у нас есть разные сведения. Известно чудесное явление ему Креста Христова, описанное по слухам Лактанцием, латинским апологетом, и со слов самого Константина епископом

Первый Никейский Собор. Фреска. XVIII в. Бухарестский Ставропольский монастырь, Румыния (слева)

Святой равноапостольный Константин. Икона XIV в. Работа Панселиноса, церковь святого Кариея на горе Афон

Епископ Евсевий
Кесарийский
(слева)

Тертуллиан
(справа)

Кесарийским Евсевием, «отцом церковной истории». Этому известию нисколько не противоречит то, что, по многим признакам, отец его, император Констанций Хлор, находился под заметным влиянием христианства. Так, будучи членом «коллегии» четырех государей, учрежденной Диоклетианом для удобства управления огромной империей, и занимая в этой коллегии подчиненное положение, Констанций, когда разразилось страшное гонение на Церковь, вразрез с предписаниями Диоклетиана не совершил никаких жестокостей, ограничившись одной только конфискацией церковной собственности.

Трудно судить историкам о внутренней духовной жизни такого человека, как святой Константин. И эта трудность имеет причиной их недоумение перед живой христианской душой в благодатной реальности Церкви. Что уж удивляться, что даже внешний церковный статус этого государя определяется с небрежностью, с вопиющими ошибками. «Будучи язычником, председательствовал на I Вселенском Соборе»; «принял христианство накануне смерти», — читаем мы в солидных справочных изданиях. Обе фразы — легкомысленная экстраполяция того общеизвестного факта, что крещение свя-

того Константина произошло в самом конце его жизни. Это само по себе говорит о том, что Константин боялся грехов, связанных с долгом правителя, и именно поэтому откладывал крещение. Но христианами были и именовались также и те, кто перед лицом Церкви заявлял о намерении принять крещение, даже если они еще не были готовы войти в число оглашенных (ср. 95-е правило VI Вселенского Собора).

Века гонений — время великое и святое, время *первой любви* (Откр. 2, 4). Но это время имело и свои особые трудности, не связанные непосредственно с гонениями. Церковь, сознавая свое единство, жила в состоянии разобщенности. Первоначально Церковь имела общий язык — греческий. Но вскоре начала развиваться и латинская церковная литература, со своей особой терминологией. А на окраинах империи и по ту сторону ее границ христианство дало мощное побуждение для развития новой национальной письменности — у сирийцев, коптов, эфиопов, армян, грузин, готов и др. В больших городах складывались местные богословские традиции, которые было трудно согласовать на вселенском уровне. Соборы были только поместные. Больше всего их было в Латинской Африке. Африканские Соборы,

полагая свои постановления богодухновенными, настаивали на их общеобязательности, но не было той канонической инстанции, которая могла бы предписать всем Церквам блюсти постановления местных Соборов. Церкви имели потребность в Символе веры, но каждая Церковь имела свой собственный Символ, торжественно читавшийся перед крещением. На Западе получил большое распространение так называемый Апостольский символ. Но и он имел множество вариантов. Самые значительные отступления от магистралей христианского вероучения Церквам удавалось одолевать. Но самые значительные богословы первых веков, Тертуллиан на Западе и Ориген на Востоке, были еретиками. Осужденные по разным причинам своими Церквами, они продолжали влиять своими сочинениями во всем христианском мире. Выяснение вероучительных вопросов на вселенском уровне было важной потребностью Церкви.

Правя в западной части империи, Константин созывал церковные Соборы и активно в них участвовал. Правда, эти западные Соборы занимались волновавшими Запад проблемами каноническими, то есть морально-практическими. Подчинив своей власти в 324 году и Восток, Константин оказался перед острейшим спором

вероучительного характера, вызванным учением александрийского пресвитера Ария о Пресвятой Троице. Божественное Откровение Нового Завета ставит нас перед лицом Троицыного Бога. Тайна Бога, Единого в трех Лицах, или Ипостасях (см. Мф. 28, 19; Евр. 1, 3), рассудочно не постижима. На протяжении веков появлялись попытки рационалистически упростить этот один из двух основных новозаветных догматов, что приводило к различным ересям. Одна из крайностей — троебожие, где исчезает монотеистическое понимание Бога. Ярким тритеистом был монофизит VI века Иоанн Филопон. Противоположная крайность — модализм, где утрачивалось представление о реальном бытии трех Лиц; они мыслились как различные проявления одного Божественного Лица. Это ошибочное направление мысли связано с именами Савелия и Павла Самосатского (III в.). Наконец, третье направление развивалось великим Оригеном. Оно учит об онтологическом неравенстве Божественных Лиц: Сын подчинен Отцу, а Святой Дух — Отцу и Сыну. Отсюда название этого учения: субординационизм. Все эти течения признают Сына Божия Богом в прямом и собственном смысле. Арий же встал по ту сторону границы христианства, объявил Сына Божия тварным. Для Ария Сын —

*Ориген
Александрийский
(слева)*

*Никейский Собор
с изображением
Ария у ног
императора
Константина
и епископов.
Икона монастыря
Метеоры в Греции
(справа)*

первое, высочайшее, совершеннейшее творение Божие, тварный помощник Бога в сотворении мира. Еретическое учение Ария встретило мощный отпор. Святитель Александр Александрийский (313–328) в 320/21 году созвал Собор примерно ста епископов Египта, Ливии и Пентаполя, анафематствовавший Ария и нескольких его сторонников. Этот Собор, исходя из православного понимания Пресвятой Трои-

цы, противопоставил арианству формулу: Сын «подобен сущности Отца». Терминология была еще нечеткая, невыработанная. Впоследствии «подобие» стало знаменем одной из антиникейских партий. Арий не смирился и вербовал себе сторонников в разных областях империи. Легче всего ему было найти себе защитников среди крайних субординационистов. Император Константин был глубоко разочарован догматическими спорами на Востоке. В послании святителю Александру Александрийскому и Арию он предложил им свое посредничество. Послание доставил в Александрию главный в то время церковный советник императора святитель Осий, епископ Кордубский (Испания), преимуществом которого было то, что он не имел личных пристрастий к людям, партиям и богословским школам Востока. Неизвестно, кому принадлежала идея Вселенского Собора, но император с самого начала взял инициативу в свои руки. Собор был созван императором, и все последующие Вселенские и многие Поместные Соборы также созывались императорами. Католическая историография долго пыталась доказать то или иное участие в созыве Собора святителя Сильвестра, Папы Римского, но нет никаких указаний источников на то, что император советовался о созыве Собора с Римским епископом. Местом проведения Собора

Святитель
Евстафий,
архиепископ
Антиохийский
(вверху)

Греческий текст
Символа веры
на Оксиринхском
папирусе. V в.
(внизу)

первоначально предполагалась Анкира (ныне Анкара), но потом была выбрана находящаяся западнее Никея Вифинская — город недалеко от императорской резиденции.

В самой Никее был императорский дворец, предоставленный для заседаний Собора и размещения его участников. Императорское послание, приглашавшее на Собор, было отправлено в конце 324 — начале 325 года.

Епископских кафедр было около 1000 на Востоке и около 800 на Западе (в основном в Латинской Африке). Их представительство на Соборе было далеко не полным и весьма непропорциональным. Запад был представлен минимально: по одному епископу из Испании (святитель Осий), Галлии, Африки, Калабрии (Южная Италия). Престарелый Римский епископ святитель Сильвестр прислал своими представителями двух пресвитеров. Было по одному епископу из сопредельных империи восточных стран — Готии и Персии. Епископ крупнейшего города Персии Селевкии-Ктесифона прислал своими представителями нескольких пресвитеров. Подавляющее большинство отцов Собора было из восточной части империи — Египта, Сирии, Палестины, Малой Азии, Балкан. Источники называют различную численность участников Собора: около 250 (Евсевий Кесарийский), около 270 (святитель Евстафий Антиохийский), более 300 (император Константин), более 320 (историк Созомен). Вошедшее в традицию точное число 318 первым назвал святитель Иларий Пиктавийский и вскоре затем святитель Василий Великий. Святитель Афанасий Великий несколько раз округлял число до 300, но в 369 году назвал число 318. В этом числе сразу увидели символическое значение: таково число воинов — рабов Авраама (см. Быт. 14, 14). Еще важнее — греческие цифры ТΙΗ (318) изображают Крест и две первые буквы имени Иисус. На Соборе, таким образом, присутствовало более шестой части вселенского епископата. Гонения, особенно на Востоке, закончились совсем недавно, и среди отцов Собора было много исповедников. Но, по замечанию В. В. Болотова, в богословских спорах они могли оказаться «слишком ненадежными, слабыми» защитниками веры от еретиков. Исход зависел от того, за кем пойдет большинство. Епископов, сочувствующих Арию, было

немного, но субординационизм был усвоен очень многими и имел разные оттенки. Весь Восток погрузился в спор, распространенный предсоборной перепиской епископских кафедр.

Епископы должны были съехаться в Никею к 20 мая 325 года. Четырнадцатого июня император официально открыл заседания Собора, а 25 августа Собор был объявлен закрытым. Последнее собрание отцов совпало с началом празднования двадцатого года царствования императора Константина. Собравшись в Никее и ожидая открытия собора, епископы вели неофициальные дискуссии, в которых могли участвовать клирики и миряне. Вопрос о председательстве на Соборе не очень занимал современников и ближайших историков, которые не дали на этот счет точных и конкретных сведений, но он имеет принципиальное значение для католической историографии: в духе позднейшей доктрины папизма она хотела бы доказать, что Собором руководил папа через своих представителей.

Однако на Соборе почетным председателем был император, деятельно участвовавший в заседаниях (он тогда не был ни крещеным, ни даже оглашенным и принадлежал к разряду «слушающих»). Это не противоречит тому, что кто-то из отцов первенствовал на Соборе. Евсевий неопределенно говорит о «председателях», а также о «первенствующих» каждой из двух «партий». Возможно, председательствовал святитель Осий, однако, безусловно, не как представитель Римского епископа, каковым он не был, но как главный на тот момент церковный советник императора. Именно святитель Осий значится в списках отцов Собора на первом месте. На втором месте стоят посланцы Римского папы, но они не играли на Соборе заметной роли. Высказывались предположения о председательстве на Соборе святителя Евстафия Антиохийского, Евсевия Кесарийского.

Официальные заседания происходили в самой большой зале императорского дворца. При их открытии все собравшиеся безмолвно ждали императора. Вошли немногие придворные и затем возвестили о приходе императора, и все встали. Выйдя на середину, Константин сел в поданное ему золотое кресло; затем сели и остальные. Один из епископов приветствовал императора краткой благодарственной

Святые отцы
Первого
Никейского
Собора (325),
державшие Никео-
Цареградский
Символ веры (381).
Современная икона

речью. Затем император обратился к Собору по-латыни, призывая к единству. Краткая его речь была переведена Собору на греческий язык, после чего император передал слово «председателям». «Тогда одни начали обвинять своих ближних, другие защищались и порицали друг друга. В то время как с той и другой стороны сделано было множество возражений и поначалу возник великий спор, царь выслушивал всех терпеливо, внимательно принимал предложения и, разбирая в частностях сказанное той и другой стороной, мало-помалу примирил упорно состязавшихся... Одних убеждая, других усовещивая словом, иных, говоривших хорошо, хваля, и каждого склоняя к единомыслию, он

сообразовал понятия и мнения всех касательно спорных предметов» (Евсевий. Житие Константина. 3, 10–13). Таким образом, он действовал как «примиритель», за которым, впрочем, стояла вся полнота императорской власти. В первую очередь было рассмотрено откровенно арианское исповедание веры Евсевия Никомидийского, оно было сразу же отвергнуто большинством. Арианская партия на Соборе была немногочисленна — не больше 20 епископов. Едва ли не меньше было просвещенных, с ясным догматическим сознанием защитников Православия, таких как святитель Александр Александрийский, святитель Осий Кордубский, святитель Евстафий Антиохийский, епископ Макарий Иерусалимский. Нет оснований считать сторонником Ария Евсевия, епископа Кесарии Палестинской: оригенист и умеренный субординационист, он не мог считать Сына Божия творением. Единомысленники сего Евсевия составляли на Соборе влиятельную группу, для которой было важно сохранять традиционные формулировки, почерпнутые из Священного Писания. Та «традиционность», которую предлагали сторонники Евсевия Кесарийского, означала уход от ответа на арианский вызов в догматическую неопределенность.

Учению Ария требовалось противопоставить ясное исповедание православной веры. Евсевий предложил в качестве такого исповедания крещальный Символ своей Церкви. Это был сильный ход: Евсевий, первоиерарх Палестинского округа, имел в своей юрисдикции Церковь Святого Града Иерусалима. Император одобрил Символ, но предложил внести в него «всего лишь» одно слово — «единосущный». По всей вероятности, термин был предложен святителем Осием. Для Запада термин был вполне православен. Тертуллиан, рассуждая о Святой Троице, говорит о «единстве сущности», о «единой сущности Трех». История термина на Востоке была осложнена его использованием у еретиков. Антиохийский Собор 268 года осудил учение о единосущии Сына Отцу, развитое Павлом Самосатским, сливавшим Лица Святой Троицы. В доникейских творениях святителя Афанасия это слово не употребляется. Гигантские заслуги святителя Афанасия в защите Никейской веры после Собора, после того как он восшел в 328 году на кафедру Александрийскую

по смерти святителя Александра, очень рано стали отбрасывать тень назад. Уже первое посленикейское поколение видело в святителе Афанасии могучего защитника «единосущия» и во время, и до Никейского Собора, что не находит исторического подтверждения. С другой стороны, и после Никейского Собора термин «единосущный» не всегда понимался православно. Модалистскую тенденцию обнаружил Маркелл Анкирский, активнейший противник Ария на Никейском Соборе. Его упорно гнали и осуждали ариане, а православные долго его оправдывали; но после его смерти (ок. 374) его осудил II Вселенский Собор (правило 1).

Неожиданное, ввиду подавляющего большинства на Соборе восточных епископов, принятие его отцами термина «единосущный» объясняется, по всей видимости, предварительными совещаниями до официального открытия Собора, на которых удалось заручиться поддержкой вождей православной стороны. Авторитетное предложение императора, поддержанное «председателями», было принято большинством Собора, хотя многим могла быть по душе догматическая неопределенность кесарийского Символа. Отредактированный Собором Символ, завершавшийся анафематствованием арианского учения, подписали почти все. Даже самые воинственные вожди арианской партии епископы Евсевий Никомидийский и Феогнид Никейский под угрозой ссылки поставили свои подписи. Сомнительно сообщение Созомена о том, что эти два епископа, признав Символ, не подписали отлучение Ария: на Соборе то и другое было жестко связано, хотя в самом Символе имя Ария не упомянуто. Из епископов лишь двое, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский, — скорее из солидарности со своим земляком Арием (все трое — ливийцы) — отказались подписать Символ, и все трое были сосланы.

«Святой и Великий» Вселенский Собор в сознании своих полномочий требовал безусловного и немедленного повиновения. Однако, как показывает история, заключительный этап и этого, и других Соборов — рецепция, принятие Собора соборной полнотой Церкви. В случае I Вселенского Собора рецепция растянулась более чем на полвека, до II Вселенского Собора. Опережая свое время, никейский Символ с его

терминологией не соответствовал богословской традиции Востока. Принятие этого Символа — момент промыслительный и богодухновенный, но, когда потребовалось вставить Символ в контекст предшествующего восточного богословия, обнаружилась их существенная несогласованность. Именно этим объясняется тот факт, что немалое число епископов, одобрявших Символ на Соборе, впоследствии от него отказались. Императорское давление здесь исключено: церковная политика святого Константина и его сыновей вовсе не состояла в навязывании Церкви совершенно чуждых ей вероучительных формулировок. Это была политика приспособления к церковному большинству. Становясь на сторону одной из церковных партий, император стремился не навязать одним мнение других, но всеми силами созидать церковное единомыслие. Трудности рецепции Собора нельзя объяснить и одними только кознями еретиков. Консервативное большинство на Востоке, легко отвергнув чистое арианство (только лет через 30 после Собора оно начало поднимать голову в лице Евномия и его партии), испугалось никейского «единосущия», потому что оно требовало решительного пересмотра всего доникейского богословия. Для Православия десятилетия после Собора — в высшей степени плодотворное время уяснения Троичного догмата: не только в аспекте антиарианской полемики, но прежде всего в положительном

Святитель Афанасий Великий, архиепископ Александрийский. Фреска церкви святого Иоанна Предтечи в Кастории, Греция. XVIII в.

Святитель
Василий Великий,
архиепископ
Кесарии
Каппадокийской.
Фреска монастыря
Студеницы,
Сербия. 1209 г.

его раскрытии. Никейский Собор дал краткий Символ. Ко времени II Вселенского Собора Церковь обогатилась основанным на этом Символе тринитарным богословием двух поколений защитников Православия — святителя Афанасия Великого и каппадокийцев.

Символ Никейского Собора

Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, едиnorodного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все начало быть и на небе и на земле, ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, пострадавшего, и воскресшего в третий день, и восшедшего на небеса, грядущего судить живых и мертвых, и в Святого Духа.

Говорящих же: «было, когда Его не было» и «прежде чем родиться, не был» и что из не сущего начал быть или говорящих, что из другой ипостаси или сущности имеет бытие Сын Божий или что Он тварен или преложим или изменяем, таковых католическая Церковь анафематствует.

Больше века жила и воинствовала Церковь под знаменем этого Символа. Хотя II Вселенский Собор выработал новый Символ, но рецепция и этого Собора была непростой и нескорой, так что III Вселенский Собор 431 года цитировал еще Символ 325 года.

Относительно употребленных в Символе терминов «сущность» и «ипостась» святитель Василий Великий, утвердивший вместе со своими сподвижниками учение о единой Сущности и трех Ипостасях в Боге, считал, что никейские отцы их различали и как разные по смыслу сопоставили в заключительной части Символа. Однако еще более авторитетный истолкователь никейской терминологии святитель Афанасий Великий употребляет эти слова как тождественные. В одном из последних его творений — «Послании африканским епископам от епископов Египта и Ливии» (371/72) говорится: «Ипостась есть сущность и означает не что иное, как само сущее... Ипостась и сущность есть бытие». Начавшееся различение терминов «сущность» и «ипостась» вызвало спор, который рассматривался Александрийским Собором 362 года под председательством святителя Афанасия. Учивших о трех Ипостасях в Боге обвиняли в арианстве, а традиционно отождествлявших сущность с ипостасью и говоривших об одной ипостаси в Боге обвиняли в савеллианстве (модализме). По рассмотрении оказалось, что и те и другие, пользуясь разными терминами, мыслят одинаково. Признав православие обоих течений, Собор 362 года советовал не вводить терминологических новшеств, довольствуясь речениями Никейского исповедания. Тем самым святитель Афанасий со своим Собором засвидетельствовал, что Никейский Собор не определил значения слов «сущность» и «ипостась».

Однако терминология развивалась. И после того, как каппадокийцы утвердили четкое различие двух терминов, в мысли отцов оставалось сознание их изначального тождества.

На вопрос, «имеет ли какое отличие сущность от ипостаси», Феодорит Кирский ответил: «Для внешней мудрости никакого... Но, по учению отцов, сущность отличается от ипостаси как общее от частного». О том же говорит преподобный Иоанн Дамаскин. По словам священника П. Флоренского, «в том-то и выразилось безмерное величие никейских отцов, что они дерзнули воспользоваться вполне тождественными по смыслу речениями, верою победив рассудок и, благодаря смелому взлету, получив силу даже с чисто словесною четкостью выразить невыразимую тайну Троичности».

Никейский Символ навеки утвердил учение о единстве и равночестности Лиц Святой Троицы, осудив тем самым и субординационизм, и модализм — два постоянных богословских искушения доникейской эпохи. Отсекая еретические отклонения, Собор, одоблив терминологию, заимствованную у «внешней мудрости», одобрил творческое развитие православного богословия, которое состоит в осмыслении Откровения усилиями верующего разума.

Первый Вселенский Собор плохо документирован. Мы имеем подробные записи заседаний Соборов начиная с Эфесского III Вселенского 431 года. По-видимому, на I Вселенском таких записей («деяний») вообще не велось. Важное (ввиду жестоких споров о времени празднования Пасхи) постановление Собора о дне Пасхи известно не в подлиннике, но только в пересказах. Иногда утверждают, что в этом документе Собор благословил Юлианский календарь. По имеющимся данным, постановление о Пасхе ссылается не на календари, а на объективную природно-астрономическую реальность: равноденствие, полнолуние, весну, а также на существовавший и на библейском Востоке (с I века по Р. Х.), и в Римской империи непрерывный счет дней по семидневному неделям. Особое внимание постановление уделяло астрономии: Александрийской Церкви поручалось заранее высчитывать день Пасхи и сообщать о нем прочим Церквам как раз по той причине, что в Александрии, всемирном культурно-научном центре, имелись лучшие астрономы.

Собор издал также 20 канонических правил. Каждое из этих правил насыщено большим не только каноническим, но и общеисторическим содержанием. Попробуем рассмотреть хотя бы

одно из них, 4-е: «Епископа поставляти наиболее прилично всем тоя области епископамъ. Аще же сіе неудобно, илилежащей нужде, или по дальности пути: по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующіе да изъяснятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершити рукоположеніе. Утверждати же таковыя действія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту».

«Область» — провинция Римской империи. В начале IV века провинций было около 100, через сто лет, после раздела некоторых из них, их стало уже около 120. За исключением Египта, где Александрийский архиепископ имел непосредственную юрисдикцию над всеми епископиями (об этом — правило 6 того же Собора), действовал принцип приспособления Церкви к административным границам провинций, территория которых становилась особым церковным округом, подобно митрополиям нынешней Русской Церкви. Митрополия — название главного города провинции, отсюда именование епископа этого города митрополитом. Во всех провинциях было несколько городов. Если в городе появлялось хотя бы

Таблица
канонов Евсевия
Кесарийского

Константин Великий приносит город (Константинополь) в дар Богородице. Мозаика над входом в Собор Святой Софии

небольшое число христиан, это становилось причиной не «открытия прихода», но создания епископской кафедры. Епископ нормальным образом был главой общины. Только в таких мегаполисах, как Александрия, верующие не могли вписаться в соборную церковь, а жителям окраин было до нее далеко, и поэтому епископы делегировали пресвитерам окормление периферийных общин и совершение в них некоторых таинств. И александрийский пресвитер Арий смог возвыситься потому, что управлял такой отдельной общиной. В примечании к данному правилу Феодор Вальсамон, патриарх Антиохийский (XII в.), указывал, что поначалу епископ избирался «множеством граждан», то есть жителями города, но затем божественные отцы отказались от избрания епископов мирянами. Под «поставлением» здесь понимается первый этап возведения в сан — избрание. Правило ничего не говорит об участии мирян в избрании епископа, полностью отдавая избрание епископам провинции. Если им трудно всем собраться вместе, отсутствующие могут выразить свое мнение в письме. Подчеркивается полномочие митрополита утверждать ре-

шение епископов. Правило 6 указывает также на принцип большинства: если состоялось обоснованное и согласное с канонами избрание, но возражают два или три епископа, любящие прекословить, «да превозмогает мнение большего числа избирающих».

Хотя каноны I Вселенского Собора были приняты всеми и на Востоке, и на Западе, это не означало конца практики «всенародного избрания» епископов. До самого конца I тысячелетия в первой по чести Римской Церкви имели место «всеобщие» выборы Римского Папы, которые по условиям времени превращались в ожесточенную борьбу аристократических группировок, где избиратели думали не столько о благе Церкви, сколько о своих мелких локальных интересах.

Ко времени I Вселенского Собора будущие патриархаты только начинали формироваться, за исключением Александрийской Церкви. Провинциальным митрополиям предстояло, сохраняя свою структуру, войти в поместные Церкви большего масштаба. В правиле 6 упоминаются Церкви Римская и Антиохийская. Но если об Александрийской Церкви здесь совершенно определенно сказано, что в нее входят территории Египта, Ливии и Пентаполя, о двух других — Римской и Антиохийской — говорится неопределенно, не о «власти», как об Александрийской, но о «преимуществах», и не указывается никаких территориальных границ этих преимуществ. Можно думать, что речь идет не о властных полномочиях, но о моральном влиянии, естественном для кафедры большого города. О Иерусалимском епископе, который в то время был подчинен архиепископу Кесарии Палестинской, в правиле 7 сказано, что при сохранении достоинства митрополии Иерусалимский епископ читается «по обыкновению и древнему преданию». Оставался большой путь до поставления Иерусалимского предстоятеля во главе церковной области и до возведения этой области в достоинство патриархата.

А Константинополя во время I Вселенского Собора вообще еще не было.

Лишь в 330 году была торжественно освящена новая столица святого Константина на Босфоре, а до того городок Византий, стоявший на месте новой столицы, был всего лишь рядовой епископией Ираклийской митрополии.